

УДК 130.2

ИДЕЯ АВТОРА В МОДЕРНЕ, ПОСТМОДЕРНЕ, НЕОМОДЕРНЕ**Варова Н.Л.***ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»,
Омск, e-mail: nvarova@mail.ru*

Актуализация проблемы существования в современном обществе требует пересмотра основных понятий культуры, одним из которых является «автор». Показано, что христианская идея автора-творца претерпевает существенные изменения в модерне и постмодерне. Вехами этих изменений являются концепты «смерть Бога», «смерть автора», переход от понятия произведения к понятиям текста и дискурса. В философии постмодернизма концепт автора продолжает сохранять личностную основу (Фуко) и стремление к ясному пониманию и выражению. В постмодернистской идеологии массовой культуры понятие автора-личности элиминируется и уступает место «игре смыслов в сознании читателя» и «смыслообразованию письма». Сегодня необходимо возвращение в культуру автора-творца, несущего ответственность за свое творение. Предложен термин «неомодерн» для обозначения нового состояния культуры.

Ключевые слова: бытие, творец, автор, текст, произведение, смысл, смерть автора, дискурс, модерн, постмодерн

**THE IDEA OF AUTHOR IN THE MODERNITY,
THE POSTMODERNITY, THE NEOMODERNITY****Varova N.L.***Omsk State Pedagogical University, Omsk, e-mail: nvarova@mail.ru*

Actualisation of existence in modern society requires a review of the basic concepts of culture, one of which is the «author». It is shown that the Christian idea of the author-creator undergoing significant changes in modern and postmodern. Stages of these changes are concepts «death of God», «death of the author», the transition from the concept of the creation to the concepts of text and discourse. The concept of the author continues to maintain personal basis (Foucault) and the desire for a clear understanding and expression in the philosophy of postmodernism. The concept of the author as personality is eliminated from mass culture. The postmodern ideology ignore the concept of the author and gives way to the concepts of the game of meaning in the mind of the reader and self-formation of meanings of writing. Today we need to return to the culture of the author-creator, who is responsible for its creation. The term «Neomodernity» is proposed by us to refer to the new state of culture.

Keywords: being, creator, author, text, creation, meaning, the death of the author, discourse, modernity, postmodernity

В западном типе культуры большое значение имеют идеи творца и творения, автора и произведения, значения и смысла. Трансформации содержания этих понятий и изменения конфигурации их структурных взаимосвязей в поле культуры знаменовали переход общества на очередной этап развития. Современная российская культура содержит черты трех социокультурных формаций: традиционной, модерна и постмодерна. Для самоопределения и дальнейшего развития культуры необходимо формирование ясных представлений об идее автора в каждую из этих эпох. История западной культуры может быть описана как смена культуурообразующих идей: космос, Бог, человек, государство, природа, текст, интертекст. Эти «фундаментальные идеи, выступающие эйдосом культуры, становятся ее основанием только тогда, когда они оборачиваются смыслами и ценностями бытия человека» [5]. Мне представляется, что для самоопределения и понимания специфики современной культуры необходимо удерживать трансформации смысла ключевых понятий на протяжении нескольких

этапов развития общества. Покажем это на примере идеи автора.

Стержнем западной культуры до эпохи постмодерна была идея о взаимополагающих друг друга творце и творении, которая выступала в качестве объяснительной конструкции деятельности человека и смысла его жизни. В религиозной картине мира трансцендентный субъект являлся причиной существования мира и его разнообразия, основанием творческой деятельности человека. Существование нечто, чем бы оно ни являлось, со всей определенностью говорило о существовании многого другого. Так, Аристотель постулирует взаимосвязь формы-сущности с материей и Богом, который выступает в качестве творца сущности, перво двигателя и субъекта целеполагания. Р. Декарт убежден, что мысль, явленная сознанию, делает очевидным наше собственное существование в мире, открывает перед человеком смыслы врожденных идей и дуальность мира. Г. Сковорода определяет премудрость как обладание знанием о существовании и тленного и вечного. С.Н. Булгаков говорит о взаимополании

рожденных в одном творческом акте Творце, творении (бытии) и небытии как среды, которая окружает творение.

По мнению религиозного философа Г. Сквороды, понимать этот мир, – значит видеть нерукотворное в рукотворном. Нерукотворными являются формы – идеи Платона, видения, виды, образы, а краска, с помощью которой мы запечатлеваем образ, – это уже мирское естество. Сакральные тексты – это символический мир, в Библии собраны «фигуры небесных, земных и преисподних тварей», «дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной природы, утаенной в тленном так, как рисунок в красках своих» [5, 148]. Скворода говорит, что в тленной натуре мысли утаена вечная: вечность есть твердь, безграничная и вечная, нетленная, чуждая осязанию [5, 149]. Мысль объединяет образ (который будучи явленным в сознании, уже не может исчезнуть с потерей рисунка) и его «тень» – рисунок красками. На основе такого понимания можно сказать, что для того, чтобы небытие не поглотило творение, необходимо совершать постоянные усилия по достижению понимания Образа и по созданию материальных форм его объективации. Значит, любая форма этого мира указывает на существование творца (Бога или человека), и далее встает вопрос о цели его творения и об ответственности за результат творческой деятельности.

В христианской культуре идея творца эволюционировала от Высшего Творца, который создал мир, от Творца, открывающего истину мира человеку, до Творца, ожидающего актов со-творчества от человека. Творец дал возможность человеку свободно действовать в согласии или против себя, тем самым поставив человека перед необходимостью совершать душевно-духовную работу. Наделив немощного человека способностью свободного действия, Бог открыл себя для критики, и это породило целое направление богословской мысли – теодицею.

Классическая традиция рассматривала текст как произведение творца. И так же, как творение Бога, текст, созданный человеком, наделялся причиной и целью. Цель могла быть продиктована автору извне или быть внутренней, могла быть объективной или субъективной, общепонятной или эзотерической. Фигура автора раскрывалась в свете образа Творца: Бог – создатель всего сущего, его творение организовано природными законами и одарено смыслом совершенствования; автор это тот, кто в спонтанных проявлениях жизни, в потоке событий, речей, рождений и смертей усматривает целостность и осмысленность универсума.

При этом автор может разговаривать с публикой на одном языке, а может увлечься разработкой идеальной формы универсума или поиском базовых элементов, тогда форма может становиться предельно абстрактной. В супрематизме К. Малевича, цисфинитной логике А. Введенского и Д. Хармса, зауми В. Хлебникова язык становится совершенно непонятым, поскольку его единицы перестают непосредственно соотноситься с объектами жизненного мира, но раскрывает смысл бытия при освоении соответствующей логики читателем. Автор во всех названных случаях стоял в центре мира, созерцал и выводил типическое и закономерности.

Принятие идеи смерти Бога ограничило в XX в. образ человека земным горизонтом. Человек стал рассматриваться как актер социального действия и взаимодействия, и вопрос о том, что может человек, уступил место вопросу о функциональном разделении прав и обязанностей в обществе; текст потерял связь с сакральным.

С 1960-х гг. XX в. в западной эстетике, литературоведении, семиопрагматике произошло смещение интереса от автора и текста к фигуре читателя. До этого времени отношения Автор – Текст – Читатель мыслились исключительно как однонаправленные и читатель, по сути, воспринимался как объект воздействия, как материал, который формируется воздействием автора с помощью инструмента текста. Увеличение количества грамотных людей, неоднородность читательской аудитории привели к осознанию нетождественности смыслов автора и читателя. Исследование сосредоточилось на осмыслении опыта культурного диалога, взаимодействия текстов разделенных во времени и пространстве культур, порождающего комментарии, интерпретации, переводы и трансформации смысла. Текст стал рассматриваться как производящая смыслы конструкция и источник множества интерпретаций, безотносительно ситуации своего возникновения и функционирования.

Развитие индустрии массовой культуры существенно меняло среду существования человека на протяжении XX в. и его жизненные практики и продолжает это делать в дальнейшем. Общество потребления отчуждает автора от производимых им конструкций. При обладании определенными качествами культурные образцы отбираются для тиражирования, и дальше существуют по законам современного рынка. Люди, обслуживающие движение текста в качестве товара, выходят на первый план, становятся лицом культуры (администраторы, директора издательств, продюсеры, журналисты).

Рекламный текст становится первичным, а маркетолог становится более важной фигурой, чем автор продвигаемого на рынке образца. Беда в том, что хорошо отлаженная технология вывода продукта на рынок допускает низкое содержание продукта, лишь бы он легко форматировался определенным образом. Доход администратора зависит не столько от качества произведения и грамотности потребителей, сколько от правильной подачи. Когда идеи философии модерна и постмодернизма из теории переносятся в практику производства культуры и трансформируются в идеологию СМИ, ориентированных на буржуазную культуру потребления [1], все многообразие мира редуцируется к экономическому, к рыночному измерению. Для того, чтобы лучше оценить потери, рассмотрим развитие идеи автора в западной культуре.

Концепт автора получил теоретическое оформление уже в христианской экзегетике. Иероним Блаженный, в миру Евсевий Иероним Софроний (ок. 340–420), предложил систему критериев для установления подлинного Автора того или иного священного текста:

1) содержательное и стилистическое соответствие идентифицируемого текста с уже идентифицированными текстами определенного Автора;

2) догматическое созвучие этого текста общей теологической концепции того Автора, которому приписывается данный текст;

3) временное совпадение предположительного хронологического интервала написания данного текста, определяемого как содержательно (по упоминаемым реалиям), так и формально (по признакам языкового характера), с периодом жизни субъекта, предполагаемого в статусе Автора данного текста [3, 615; 6, 26–27].

Развитие и теоретическое осмысление герменевтических процедур обусловило дальнейшую разработку категории «автор». Автор не только когда-то создал текст, он все время оживает в процессе восприятия текста в сознании читателя, для адекватного осмысления и истолкования текста необходимо реконструировать исходный замысел автора. Такая реконструкция возможна, если у автора и читателя, несмотря на нахождение в разных точках бытия, существуют совпадения в представлении о бытии и в конструировании этих представлений: совпадают семантические единицы, грамматические формы, предельные модели Бытия, хотя бы само представление о существовании моделей бытия. Понимание текста основано на выявлении фрагментов индивидуально-психологического,

социального и культурного опыта автора, фундирующих его замысел. Выявление осуществляется путем воспроизведения при помощи личного опыта. В. Дильтей подчеркивает, что «смысл индивидуального бытия совершенно неповторим и не поддается анализу никаким познанием, и все же он, подобно монаде Лейбница, специфическим образом воспроизводит нам исторический универсум» [4, 139]. Прежде всего человек усматривает связь в череде событий своей жизни, и уже на основе категории связи способен восстанавливать целостную форму жизни других людей (исторических персонажей) и наделять смыслом отдельные поступки (части) из жизни (целого). Понимание достигается в форме переживания связи, в основе которого «перенесения собственного Я в данную совокупность проявлений жизни» [4, 146]. Каждый значимый разговор требует привести высказывания собеседника во внутреннюю связь, которая не дана в его словах извне. И чем больше мы узнаем собеседника, тем сильнее неявное устремление, связанное с его участием в разговоре, постичь основания беседы.

Затем, в контексте исследования нарративов, анализировалась роль автора в рассказе. Именно автор является носителем текстуальных смыслов и он есть носитель знания о череде событий и тех результатах, к которым они приведут. Автор творит целостный мир и стоит выше героя, непосредственно вовлеченного в ход событий, не имеющего представления о тенденциях и возможных финалах событийности.

В тексте отражается понимание автором действительности, значит, прежде всякого текста должна быть внутренняя интенсивная душевная работа автора, в ходе которой он наводит порядок в своем внутреннем мире. Обладание пониманием заставляет автора искать наиболее полный и точный способ выражения. Отсюда выражения «авторский стиль», «авторский язык». Понять произведение значит иметь представление о социально-культурной реальности, в которой жил автор, знать о метках, из которых построен его образ реальности, знать о значениях общепотребимых знаков и смыслах, которые формировались в его сознании. Автор, стремясь к наиболее точному выражению своего смысла, создает все новые тексты, которые состоят в генетической связи и в совокупности которых можно проследить парадигмальную авторскую идею. Наиболее полно смысл открывается в контексте всего творчества.

Размышления над автором приводят М. Фуко к выявлению новых смыслов, связанных с этим понятием. По-прежнему

автора, носителя определенного имени, можно рассматривать в совокупности социальных, культурных, психологических характеристик. Но с развитием гуманитарных наук становится возможным выявить более масштабное (во времени и пространстве) значение понятия «автор», когда оно соотносится не просто с говорящим и пишущим индивидом. Функция «автор» выступает как принцип разграничения, отбора и группировки текстов, источник их значений и центр их связности. Имя автора характеризует определенный способ бытия дискурса, обозначает речь, которая должна приниматься определенным образом и должна получить в культуре определенный статус. Имя автора наиболее актуальный смысл приобретает не внутри дискурса, а на границе с другими [6, 21–22]. И даже сохраняясь в традиционной форме в литературных произведениях, функция «автор» «не отсылает просто к некоему реальному индивиду – она может дать место одновременно многим Эго, многим позициям-субъектам, которые могут быть заняты различными классами индивидов» [6, 30].

Фуко выделяет два типа авторов в культуре модерна:

1) основатель или последователь, который стремится к институционализации дискурса,

2) инициатор нового типа дискурсивности, который не претендует на его окончательность, а провоцирует других на создание новых текстов и открытие новых дискурсов, к этому типу, по мнению М. Фуко, относятся Маркс и Фрейд, чтение которых достигает формы активной интерпретации.

Теории, которые создают авторы-инициаторы, не отличаются абсолютной универсальностью (что характерно для любого человеческого произведения) и подвергаются критике, но, устанавливая определенные значения, они указывают на пока еще темное пространство, на лакуны, не заполненные смыслом. Благодаря этому их произведения начинают выступать точкой отсчета, с которой разворачиваются многочисленные концепции, претендующие на заполнение этих смысловых пустот [6, 32]. Происходит регулярное переоткрытие автора, а читатель становится не простым потребителем, а производителем текста.

Однако и читатель не становится фундаментом в структуре акта смысла порождения. Постмодернизм утверждает «абсолютную независимость интерпретации от текста и текста от интерпретации» (П. де Ман). Текст не продуцируется деятельностью сознания субъекта – автора или читателя, но является имманентной процессуальностью языка. В основе интерпре-

тации лежит не произвольная деятельность субъекта, но «моменты самотолкования мысли» (Деррида). М. Фуко рассматривал структуры языка как способные производить «эффект смысла». Структуры языка обладают безличной продуктивностью (Ю. Кристева). Р. Барт указывает, что в аспекте генерации смысла как чтение, так и письмо – это «не правда человека... а правда языка», «высказывание... превосходит само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих» [2]. Субъект высказывания никогда не совпадает с субъектом накопленного опыта, читатель никогда не сможет реконструировать личность автора, так же, как нельзя будет реконструировать личность последующего интерпретатора. Вербальная сфера становится «областью неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности» [2]. Постмодернизм наделил текст имманентным плюралистичным самодвижением смысла. Фигура автора приобрела авторитарный характер, замыкающий письмо, и возникло представление о необходимости освобождения текста, т.е. стирания автора – создателя смысла. Барт формирует концепт «Смерть автора», который служит средством радикальной критики символического и персонифицированного авторитета, предполагающего существование заданного дискурса легитимации и не допускающего корректировки и смены существующих метанарративов.

Рассмотрение трансформаций понятий автора и текста в гуманитарном знании на протяжении эпох модерна и постмодерна дает представление об изменениях предметной и духовной реальности. Самоопределение субъекта культуры, его бытийственная укорененность напрямую зависят от культурной преемственности. Даже радикализм постмодернистского сознания, с его провозглашением крушения метанарративов, имеет смысл только при поддержании живой связи со смыслами предшествующей культурной эпохи, пусть даже исключительно в форме ее отрицания. Ярким примером является «смерть автора». Эта идея – плод высокоинтеллектуальной душевной работы в рационализированной среде современной цивилизации, на основе освоения достижений авторской культуры нескольких этапов развития западной культуры. Однако при переходе из элитарной в массовую культуру она освобождается от богатства смыслов и превращается в знак, которым маркируются «постмодернистские» объекты и артефакты, которые по определению не претендуют на целостность и глубину смысла.

С развитием массового общества, формированием массового коммуникативного пространства и духовного производства на основе новейших средств хранения, создания, тиражирования текстов радикально меняется сама природа текста. Для понимания правил функционирования текста в современном коммуникативном пространстве нет необходимости обращаться к генезису Текста Бытия и эволюции авторских текстов. Совокупность текстов правильнее рассматривать не как развивающийся организм, а как сеть, в рамках которой свободно перемещаются, комбинируются, систематически организовываются различные компоненты. Тексты рассматриваются не как производные существования человека, а как имманентные среде его существования. Индустрия массовой культуры, ориентированная на идеалы буржуазного потребления [1], в эпоху высокого технологического развития отказывается от идеи личности и тем самым дегуманизирует текст. Но отказываясь от личности автора, массовая культура пренебрегает и личностью читателя. А ведь слово и текст в культуре модерна – это форма самовыражения личности, способ разобраться самому и донести до других смыслы, рожденные в результате душевно-духовной работы.

Идеи, которые приходят легко, могут быть легко вброшены в пространство социальных сетей и быть повторены, размножены, перепостены и дадут переживание приобщенности, единства, но это все на уровне игры и иллюзии. Понимание, добытое с трудом, в страданиях, за которое пришлось заплатить силами и временем, требует внимательного, вдумчивого читателя. Рождение индивидуального смысла в условиях нарушения умиротворенной рутинной жизнедеятельности выявляет бездну непонимания и пустоту в пространстве личного общения. В современной российской действительности назрела ситуация возвращения автора в культуру. Поскольку вершиной культуры личности (личности автора) была культура Модерна, то есть исторический этап XVII–XIX вв. развития западного типа культуры, а особенно достижения XIX–XX вв., то в качестве варианта обозначения современного этапа российской культуры предлагаю термин «неомодерн», подразумевая возвращение в культуру личности автора, который испытывает чувство ответственности за сохранение челове-

ского – запечатлевает в тексте опыт душевно-духовной работы.

Список литературы

1. Барт Р. Буржуазия как анонимное общество // Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 312 с. – С. 264–269.
2. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с. – С. 384–391.
3. Грицанов А.А. «Смерть автора» // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
4. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума. – Вопросы философии. – № 4. – 1988. – С. 135–152.
5. Зенец Н.Г., Чалдышкина М.В. Кризис эйдетического основания современной западноевропейской культуры // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1; URL: www.science-education.ru/115-12173 (дата обращения: 29.11.2014).
6. Сковорода Г. Наркисс // Сковорода Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1973. – С. 132–133. Про образ мысль и рисунок.
7. Фуко М. Что такое автор // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь, 1996. – С. 7–46.

References

1. Bart R. *Burjuazia kak aninimnoye obshchestvo* (Bourgeoisie as an anonymous society). Bart R. *Mythologies*. Moscow, Sabashnikov Publ., 1996. pp. 264–269.
2. Bart R. *Smert avtora* (Death of the author). Bart R. *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow, Publ. Group «Progress», Universe Publ., 1994. pp. 384–391.
3. Gritsanov A. *Smert avtora*. (The death of the author). *Newest Philosophical Dictionary. Postmodernism*. Ch. scientific. Ed. and Comp. Gritsanov A. Minsk, Modern writer Publ., 2007. 816 p.
4. Dilthey W. *Nabrosky k kritike istoricheskogo razuma* (Outlines for a Critique of Historical Mind). *Problems of Philosophy*. 1988, no. 4, pp. 135–152.
5. Zenets N., Chaldyshkina M. *Krizis eiditicheskogo osnovaniya sovremennoy zapadnoevropeyskoy kultury* (Crisis of eidetic foundation of modern Western culture). *Modern problems of science and education*. 2014, no. 1, available at: www.science-education.ru/115-12173 (accessed 29 November 2014).
6. Scovoroda G. *Narkiss. Pro obraz misl y risunok* (About image, thought and drawing). *Works in two volumes*. 1973, vol. 1. Moscow, Misl Publ. pp. 132–133.
7. Foucault M. *Tchto takoye avtor* (What is author). *The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Work over the years*. Moscow, Kastal Publ., 1996. pp. 7–46.

Рецензенты:

Денисов С.Ф., д.ф.н., профессор и заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск;

Максименко Л.А., д.ф.н., профессор и заведующая кафедрой философии, ГБОУ ВПО «Омская государственная медицинская академия» Минздрава России, г. Омск.

Работа поступила в редакцию 19.12.2014.